

ХАРЬКОВСКАЯ

ГУБ.

ВѢДОМОСТИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ.	На $\frac{1}{2}$ года.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Без доставки и пересылки	8 р. 50 к.	5 р. 50 к.	3 р. 50 к.
Съ доставкою на домъ . . .	9 " — "	6 " — "	4 " — "
Съ пересылкою . . .	10 " 20 "	6 " 60 "	4 " 20 "
Цѣна отдельному номеру въ Конторѣ Редакціи	10 коп.	1 " 40 "	{ 1 " 40 "

Подписька принимается: а) въ Конторѣ Редакціи въ Харьковѣ, въ Конномъ переулкѣ, въ домѣ Тихоновой, и б) въ квартирахъ гг. исправниковъ и становыхъ приставовъ Харьковской губерніи.

При помѣщении частныхъ объявлений плата за объявленія, печатаемыя корпусомъ, взимается по тарифу, находящемуся въ Редакціи, за занимаемое объявленіемъ место. Объявленія отъ учрежденій оплачиваются по 3 р. за столбецъ крупного шрифта, 4 р.—средняго и 5 р. мелкаго. Статьи, присыпаемыя для помѣщенія въ Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, по усмотрѣнію Редакціи, подлежатъ сокращенію. Харьковская Губернская Вѣдомость выходить ежедневно.

ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫЙ НУМЕРЪ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА
„Харьковскихъ Вѣдомостей“.

отъ международнаго телеграфнаго агентства.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ, 23 сентября (5 октября). Вчера Сулейманъ-паша принялъ командование дунайскою арміею. Въ Балканахъ идетъ снѣгъ. Шефкетъ-паша укрѣпляетъ Орханіе, съ цѣлью обезпеченія сношеній Плевны съ Софиєю. Частныя депеши подтверждаютъ извѣстіе о побѣдѣ Мухтара (?).

ГОРНЫЙ СТУДЕНЬ, 24 сентября (6 октября). Вчера вечеромъ Главнокомандующій вернулся изъ подъ Плевны. Вездѣ и все тихо. Холодъ, дождь.

Въ столовыхъ газетахъ напечатаны слѣдующія телеграммы:

КАРАЯЛЪ, 22 сентября. 21 сентября, въ полуночи, канонада и перестрѣлка затихли по всей линіи; войскамъ на поле сраженія привозили воду и припасы, пожертвованные торговцами отряда. Около 4 часовъ турки открыли канонаду съ Кизиль-Тапы и сдѣлали наступление 20-ю баталіонами пѣхоты подъ прикрытиемъ конницы, на ваши двѣ батареи противъ Субботина. Наша кавалерія поспѣшно отошла; турки бросились въ обходъ съ фланговъ батареи. Пѣхота наша, скрытая до тѣхъ поръ въ лощинѣ, вдругъ вышла и открыла убийственный огонь съ разстоянія 200 шаговъ. Послѣ нѣсколькохъ залповъ, турки въ безпорядкѣ бросились назадъ, преслѣдуемыемъ нашою пѣхотой и кавалеріей почти до Субботина. Огромное пространство было усыпано непріятельскими трупами. Въ атакѣ участвовалъ аріанскій полкъ; съ наступленіемъ ночи, бой прекратился по всей линіи. Правый флангъ нашъ былъ массивированъ противъ горы Авліара; гора Большая Ягни занята нашими войсками, которые вооружили ее

двумя 9-футовыми батареями. Корпусной командиръ остался ночевать на полѣ сраженія. Всѣ войска остались на занятыхъ ими съ боя позиціяхъ.

КАРАЯЛЪ, 22 сентября, 6 часовъ, пополудни. Въ ночь на сегодня гора Большая Ягни нами оставлена. Правый флангъ нашъ расположенье отъ Субботана на гору Кабось - Тапа, противъ Малой Ягни. Утромъ сегодня, 22го, канонада возобновилась съ обѣихъ сторонъ. Къ полуночи лѣвый флангъ Мухтара, соединившись съ карскимъ гарнизономъ, сдѣлалъ яростное нападеніе на нашъ правый флангъ, но встрѣченный артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ былъ отбитъ съ жестокимъ урономъ. Нападеніе было возобновлено турками къ четыремъ часамъ пополудни, но безуспѣшно. Войска наши остались на занятыхъ нами позиціяхъ.

ПЕТЕРБУРГЪ, 23 сентября. Въ *Новое Время* телеграфируютъ изъ Цешга, отъ 22 сентября (4 октября), слѣдующія подробности о мадьярскомъ заговорѣ: Англичане первоначально вербовали волонтеровъ между поляками, намѣреваясь устроить польскую диверсию; встрѣтивъ слабый отголосокъ среди поляковъ, англичане обратились чрезъ посредство генерала Клапки въ другихъ депутатовъ къ организаціи банды въ Семиградіи; нѣкоторые мадьярскіе депутаты обѣщали направить движение не только противъ Румыніи, но и противъ вѣнскаго двора, имѣя въ виду провозгласить мадьярскую республику. Вотъ почему венгерское правительство, напуганное антидинастическимъ характеромъ движения, строго преслѣдуетъ участниковъ. Говорятъ, нити заговора выданы полякомъ. Невадолго до появленія признаковъ движения, въ Вѣну пріѣхало нѣсколько англійскихъ лордовъ, привезшихъ много золота и намекавшихъ на готовящуюся революцію. Англичанинъ Борней израсходовалъ 100.000 фунтовъ стерлинговъ * на это дѣло.

С.-Петербургскія Вѣдомости передаютъ нѣкоторыя подробности открытия подложныхъ свидѣтельствъ восточнаго займа: 17 сентября одно высокостоящее лицо увѣдомило объ обращеніи въ одному здѣшнемъ банку подложныхъ свидѣтельствъ; немедленная проверка подтвердила злоупотребленіе; обвиняемыхъ задержали; нѣкоторые изъ нихъ занимаютъ видное положеніе.

Синодъ распорядился, чтобы всѣ монастыри, особенно находящіеся на линіи желѣзныхъ дорогъ, приготовили свои свободныя помѣщенія для приема раненыхъ.

Разрѣшено положить второй рельсовый путь отъ Бендера до Раздѣльной, а оттуда до Бирзулы.

Намъ доставленъ отчетъ распорядителя по спектаклю, г. Иванова, бывшему въ г. Валкахъ 21-го сего сентября въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ русской арміи. Приходъ по спектаклю составлялъ 103 р., а расходъ, съ поставленіемъ двухъ перемѣнъ сценическихъ декораций, наймомъ дома, освѣщениемъ и постройкою сцены обошелся въ 25 р.

При этомъ г. Ивановъ считаетъ своею обязанностію принести благодарность лицамъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ содѣйствіи устройству спектакля, а жителямъ города за сочувствіе, съ которымъ они отнеслись къ этому и въ особенности гг. Скиндеру и Сокальскому и г.-замъ Е. Д. Селяниновой, С. Н. Крамаренковой и Е. М. Павловой. Деньги 78 рублей сданы въ харьковское мѣстное управление Краснаго Креста 25-го сентября 1877 года, подъ квитанцію за № 37.

ИЗВѢСТИЯ СЪ ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Корреспондентъ газеты „Times“ телеграфируетъ изъ Букурешта, отъ 26-го сентября: „По извѣстіямъ изъ Плевны, румынскія траншеи уже находятся въ 50 метрахъ отъ втораго гривицкаго ре-

* Конечно, не своихъ....

дута и поэтому штурмъ его вѣроятно неминуемъ. Если редутъ падеть, то большой укрѣпленный турецкій лагерь, находящійся на большомъ центральномъ плоскогоріи, будетъ, безъ сомнѣнія, предметомъ послѣдующей атаки. Этотъ лагерь есть ключь плевенской позиціи; онъ возвышается надъ городомъ и господствуетъ надъ редутами, расположеными на западъ и юго-западъ отъ сел. Гривицы, и если имъ овладѣютъ, то турецкій центръ будетъ прорванъ и позиціи окажутся беззащитными. Взятие редута, противъ котораго теперь румыны ведутъ траншеи, предоставить осаждающимъ большія удобства къ атакѣ укрѣпленного лагеря. Телеграммы, полученные здѣсь изъ Плевны отъ офицеровъ главнаго штаба, выражаютъ вполнѣшую уверенность, что она будетъ въ ихъ рукахъ. Если бы армія Османа-паша была окончательно разбита, то ничто не помѣшало бы большому фланговому движению софійской долиною къ Адріанополю и къ самой турецкой столицѣ. Сулейманъ-паша уже много растратилъ солдатъ, нападая на укрѣпленія шипкинскаго перевала, и если онъ попытался бы отступить, для воспрепятствованія этому фланговому движению, то за нимъ по пятамъ тотчасъ пошелъ бы Радецкій и тогда его армія, будучи преслѣдуема, не могла бы остановить движенія союзныхъ войскъ изъ Плевны.—Сербы имѣютъ на своихъ границахъ большіе склады припасовъ и большой арсеналъ въ Крагуевацѣ, скрытый между горъ, въ самомъ центрѣ ихъ страны, въ которомъ могутъ быть, тайно отъ всѣхъ, изготавляемы гранаты и патроны для русскихъ пушекъ и ружей. У нихъ есть для этого искусные рабочіе изъ частныхъ германскихъ арсеналовъ. Такимъ образомъ сербы легко могутъ замѣнить теперешнюю русскую линію сообщеній съ Дунаемъ другою—чрезъ долины Моравы, Тимока и Софию. Если Мегеметъ Али попытался бы идти на югъ, то русская кавалерія тревожила бы его на каждомъ шагу, и въ то же время русская пѣхота, известная превосходствомъ своихъ быстрыхъ переходовъ, успѣвала бы путь его арміи трупами его солдатъ. Можетъ быть, въ виду соображеній, въ родѣ мою высказанныхъ, русскіе полководцы и удерживаются за собою обладаніе шипкинскимъ переваломъ и ведутъ упорную осаду Плевны. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что силы Турци въ настоящее время находятся въ крайне напряженномъ состояніи, а при подобныхъ обстоятельствахъ полуцивилизованный строй, подобный турецкому, способенъ рушиться самимъ неожиданнымъ образомъ, такъ что каждую минуту можно ожидать большой перемѣны въ ходѣ военныхъ дѣйствій въ Болгаріи.—До начала осады Плевны русская армія имѣла весьма немногого потерять отъ болѣзней. Свѣдѣнія мои основаны на личномъ осмотрѣ кладбищъ. Каждое селеніе имѣть свое кладбище и даже по два, такъ какъ христіанъ хоронятъ отъ коня—вездѣ массы повозокъ съ ране-

дѣльно отъ магометанъ, вслѣдствіе этого сельскія кладбища могутъ служить хроникой смертности русскихъ, умершихъ отъ обыкновенныхъ болѣзней. Число русскихъ могиль весьма незначительно въ сравненіи съ обычнымъ процентомъ смертности отъ естественныхъ причинъ. Шпеницы и ачмена остались еще въ Болгаріи въ изобилии. Каждая деревушка завалена громадными скирдами, а изобильный урожай маиса только ожидаетъ серпа трудолюбиваго жнеца. Изъ уродившагося въ этомъ году хлѣба русскими снято весьма небольшое количество, такъ что для людей и для лошадей припасовъ очень достаточно. Если русскіе преодолѣютъ затрудненія касательно пріобрѣтенія топлива, то могутъ совершенно покойно зимовать въ Болгаріи".

— Корреспондентъ „Аусбургской Всеобщей газеты“ пишетъ изъ Гривицы, отъ 13 сентября: „Мнѣ случилось быть здѣсь очевидцемъ ужаснаго происшествія. Когда наши войска въ первый разъ были выбиты изъ позицій, то турки, вооруженные топорами, бросились на раненыхъ, оставшихся позади, и изувѣчили ихъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Я находилъ трупы съ отрублеными руками, ногами и головами. При отсутствіи столь возмутительныхъ сценъ могла бы быть отдана турецкой арміи та доляуваженія, которую она заслуживаетъ за свою храбрость. Но при видѣ подобнаго зрѣлица каждый человѣкъ, не лишенный окончательно чувства состраданія, можетъ выразить только свое полное негодованіе къ столь чудовищнымъ поступкамъ“.

— Корреспондентъ *Нового Времени* изъ Карагача отъ 1-го сентября описываетъ дорогу отъ Горнаго Студя до Плевны:

„Тутъ версты особаго сорта. Считается ихъ около 40—а тѣдѣшь, тѣдѣшь и конца неѣтъ. Останавливаясь напримѣръ и разспрашиваясь встрѣчныхъ болгаръ сколько осталось до слѣдующаго села. Поль-саатъ! (полчаса) успокаиваютъ васъ. На дѣлѣ это поль-саатъ раздвигается въ два или три часа. Мѣста безлѣсны, только сады еще около деревень нѣсколько разнобразятъ окрестности. Дали вѣздѣ открыты—всползешь на гребень и передъ тобою въ золотистой тѣни мерещатся вершины и сѣдовинны верстъ на тридцать въ ереди. Разъ, дѣйствительно, мы простояли, такъ хороша была развернувшаяся подъ нами внизу картина. Чаушъ-Магала и другія села по берегу извилистой рѣченки заполонили зеленую долину сплошь, направо точно какое-то чудовище легла сѣрая песчаная гора, отлого выгибая свой хребетъ и далеко разбросивъ громадныя лапы. Скоро впрочемъ было уже не до природы. Глаза отказывались замѣтить что бы то ни было. По откосамъ горъ, по гребнямъ ихъ на желтой полосѣ дорги, подъ деревьями, у рѣки, по ущельямъ—куда ни ступалъ мой конь—вездѣ массы повозокъ съ ране-

ными. Я насчиталъ нѣсколько сотенъ и считать пересталъ. Мертвое молчаніе. Только скрытъ арбныхъ колесъ, похлестываніе кнутовъ по воловымъ хребтамъ, да крики погоньщиковъ. Ни стона ни жалобы. По трое въ рядъ лежатъ на соломѣ тяжело раненые. Нѣкоторые точно трупы закрыты съ головою и только головы ступни торчатъ изъ подъ сѣрої шинели, по которой такъ и бьютъ вами въ глаза кровавыя пятна. Иной, не закрытый, повернетъ къ вамъ голову, посмотритъ на васъ, услышавъ стукъ колпыта вашей лошади, но по этому взгляду вы видите, что ему и стонать-то трудно. Заѣзжая гдѣ нибудь въ груди или животѣ пуля не даетъ ему минуты покоя, а тутъ еще арба переваливается со стороны въ сторону, такъ что раненые головами стукаются другъ о друга и часто перевязанными руками должны схватываться за край повозки, чтобы удержаться на своемъ мѣстѣ. Еще чаще изъ-подъ покрывала выглядятъ лицо, на которомъ вы и различить-то ничего не можете. Тамъ одна зияющая рана. Все изѣчено, облито кровью, уже почернѣвшей... Ни глазъ не видать, ни губъ отъ носа не отличить. Въ перемежку повозки съ слабо ранеными. Слово это не принимайте въ его буквальномъ значеніи. Слабо раненые—тѣ, у которыхъ поражены конечности, иногда раздроблены кости. Завтра у него выпущатъ ногу или руку, онъ калѣка на всю жизнь—тѣмъ не менѣе сегодня онъ слабо раненый и на повозкѣ ихъ больше чѣмъ первыхъ. Коли пуля въ кости засѣла около колѣна—лежитъ. Въ руку попала или ногу пониже на вылетъ прошла—ничего—сидѣть съ наскою сдѣланной перевязкой. Иногда на одной повозкѣ треплются во всѣ стороны восемь—девять такихъ слабо раненыхъ. Есть тутъ и перевязанные головы, иной разъ наткнестесь на раненаго, у которого на груди зияетъ страшная рана, а онъ тоже не легъ, тоже сидѣть, пока его не свалитъ медленно подступающая агонія смерти. Есть и скончавшіеся. Иной разъ двое живыхъ, а третій между ними уже холодаютъ, глаза остеклѣли, бросаетъ его во всѣ стороны толчками телѣги—все равно до бивуака довезти вадо... Большое, печальное выраженіе глазъ очень часто. Посмотритъ на васъ, съ трудомъ приподнимая отяжелѣвшее вѣко и точно молить о чёмъ-то, точно просить у васъ состраданія. И ужъ не говоритъничего, а если захочетъ сказать—губы едва шевелятся, приложишь ухо къ губамъ—и то ничего не услышишь!. По обѣимъ сторонамъ дороги, рядомъ съ повозками, между больничной прислугой и санитарами—идутъ тоже раненые. У одного рука на перевязки, у другаго вокругъ шеи обмотана грязная трапица, а на ней кровавые подтеки и пятна, у третьаго голова перебита—ничего—ступаетъ себѣ шагъ за шагомъ. Вотъ-вотъ сейчасъ упадеть, кажется, уже и пріостанавливаться сталь—нѣть, добредетъ

до бивуака, хоть тамъ-то уже навѣрно сляжетъ. Остановите его, предложите ему лечь въ повозку... „Тамъ трудные!“ отвѣтить вамъ, и это не великодушіе, не желаніе уступить болѣе удобное мѣсто другому, нѣтъ. Тутъ просто желаніе самого себя увѣрить, что я-де раневъ слабо, останусь живъ, что все де это пустакъ-дѣло выходить. И изъ послѣднихъ силъ переступаетъ ногами въполномъ убѣжденіи, что смерти не бывать, „потому что онъ еще не слегъ“. Бредутъ и раненые въ ноги. Тѣ уже съ трудомъ, но подвигаются. Разумѣется, это тѣ, которые поражены въ мягкія части рукъ и ногъ. Я видѣлъ даже санитарную прислугу, сидѣвшую въ арбахъ, а рядомъ шли раненые. „Какъ вамъ не стыдно, братцы, занимать мѣста даромъ. Посадите ихъ!“ — „Да не садятся... Поспрощайте-ка“... И дѣйствительно, спросишь, — „не хотимъ, ваше благородіе... мы не равненые, это такъ только пулей сапогъ попортило... А смотришь два черезъ два у солдатика съ испорченнымъ сапогомъ—ноги какъ не бывало, хотя онъ на ней и дошелъ до госпиталя.—Отчего они не стонутъ... Развѣ имъ не больно?.. — Отстонались уже — закостенѣло теперь, отвѣчаютъ вамъ.

„А тамъ позади на желтомъ фонѣ яркаго заката, на самомъ гребиѣ рѣзко выдѣляются еще и еще черныя телѣги и черные кони, между ними конца вѣтъ черныхъ фігурамъ... И считать перестаешь, потому что переваливъ на ту сторону въ зеленую долину съ садами и рѣченкой, гремящей въ сѣрыхъ скалахъ,—всѧ дорога заполнена тѣми же повозками до слѣдующаго гребня, на которомъ опять на золотомъ полотнѣ неба мерещатся медленно ползущія впередъ повозки. Въ тебѣ самомъ всѣ замираетъ, точно падаетъ впнутри. Не знаешь, куда дѣваться изъ этого царства смерти. Стоять самому подъ пулами легче... Вотъ повозки съ турками—тоже страдаютъ молча. Но страданіе тутъ не примиряетъ людей. Съ тою же ненавистью смотрятъ они на васъ.

„Впереди каждого транспорта — повозки съ ранеными офицерами. Эги выдерживаютъ свои страданія также терпѣливо. Они даже улыбаются вамъ. Спросите вы очемъ-нибудь прислугу — самъ раненый приподнимается на локтѣ и даетъ вамъ разъясненіе. Останавливаются вы его. „Вамъ вредно говорить!..“ — „Нѣтъ... все равно...“ Какъ впереди своихъ солдатъ, подъ огнемъ эта честная, не берегущая себя молодежь подавала примѣръ стойкости и отваги, такъ и теперь, впереди раненыхъ она подаетъ имъ примѣръ терпѣнія въ страданіяхъ...“

— Что, Иванъ Гавrilовъ и тебя попортило?... спрашивается онъ у нагнавшаго повозку солдатика, съ перевязанной рукой.

— Попортило, ваше благородіе....

— Ну ничего... Никто какъ Богъ. Скоро опять молодцами въ дѣло пойдемъ.

— Пойдемъ, ваше благородіе! И уже

гораздо веселѣе и увѣреннѣе звучитъ голосъ солдата....

— Молодецъ у насъ этотъ поручикъ, все время въ цѣли шелъ.... Объясняетъ онъ товарищу, прихрамывающему рядомъ....

„И что за дѣло вамъ въ такія минуты до природы. Пусть направо и налево развертываются одна за другой чудныя картины, пусть впереди дали одна краше другой,—вамъ не до нихъ. Точно чернымъ траурнымъ флеромъ покрылось все въ этотъ яркій и теплый солнечный вечеръ....

„Пробѣхали Булгарени, нальво, по скату горы уже въ сумеркахъ быстро подступающей ночи мелкнула Радоница съ бѣлымъ минаретомъ своей мечети. Въ этомъ селеніи главная квартира Государя.

— Гдѣ главный штабъ?... спрашиваете вы по дорогѣ.

— Не знаю!... слышится вамъ отовсюду.

— Гдѣ Великій Князь остановился?

— Должно быть въ Карагачѣ, либо въ Радоницѣ, а то можетъ и въ Шорадимѣ.

— Да неужели же вы не знаете, гдѣ главная квартира? спрашиваете вы у встрѣченного офицера.

— Главнокомандующаго? — не знаю.

— Ваше превосходительство! нагоняете вы какого-то генерала; гдѣ тутъ главная квартира?

— Не знаю... Не знаю... Самъ съутра ищу — не знаю... Полагаю, что тамъ — впереди, впрочемъ — не знаю, можетъ быть и позади....

„Кого ни нагоняешь, къ кому не обращаешься — главная квартира точно изъподъ рукъ уходитъ. Никто ее не знаетъ, такъ что въ туникѣ становишься, какъ туда доходятъ извѣстія и донесенія. Великій Князь весь день на позиціяхъ, Государь — тоже. Одни васъ посылаютъ впередъ, другіе назадъ. Въ концѣ-концовъ вы теряете голову и рѣшаитесь остановиться въ первомъ попавшемся селѣ. Бѣхъ бы дальше, да лошадь видимо изморилась, а у русскаго корреспондента большею частію она — одна. Потеряешь, какъ это случилось со мною потомъ на гривицкомъ редутѣ, и ходи пѣшкомъ. Наконецъ, впереди мелкнули огоньки.... Бѣлые палатки вырисовались въ сумракѣ, послышалось фырканье лошадей въ коновязахъ, замерещились фигуры солдатъ и прямо въ глаза сверкнуло громадное огнище краснаго костра.

— Чго это за село?

— Карагачъ.

— Здѣсь главная квартира?

— Нѣтъ.

— Гдѣ же она?

— Не знаю.... Да вы кто такой?

— Корреспондентъ.

— Нашъ русскій?

— Да.

— Голубчикъ, видите-ка къ намъ въ палатку, все единственно въ селѣ окромъ хлѣбовъ ничего не найдете.

— Въ палатѣ темно; я не различаю, сидѣть безъ дровъ и безъ угла. Цѣна

кто это говоритъ со мною, вижу только какъ вспыхиваетъ огонекъ на папирося и краснымъ окрашиваетъ чай-то ность...

— А вы кто?

— А мы будемъ офицеры.

Я смѣюсь, смѣются и они...

— Что же мнѣ къ вамъ? У васъ, поди, и повернуться негдѣ. Своихъ много.

— Будетъ мѣсто, идите, не церемоньтесь, слышится нѣсколько уже голосовъ изъ за угловъ палатки...

— Въ теплѣ по крайности... Въ теплотѣ-то еще лучше люди живутъ.

Я слѣзаю съ лошади.

— Федоры!... Возьми ихъ коня, выводи его сначала, потомъ дай сѣна, напой, когда весь простынетъ, и на ночь поставь ему ячменя....

— Послушайте, мнѣ совсѣмъ.

— А вы не совсѣмъетесь. Чего еще. Китайскую траву вотъ заваримъ.... У меня настоящій Попова изъ Москвы. А потомъ возсоединимъ Китай съ Ямайкой и благо намъ будетъ и долголѣтні мы будемъ на земли... Садитесь. Эге, да у васъ легонькое пальто одно, мы васъ буркой снабдимъ....

— Кто вы такие будете? впадаю я въ тонъ.

— А мы тамбовскіе... Отдыхаемъ послѣ дѣловъ 8-го и 30-го....

— У меня съ собой сыръ есть, икра, ветчина....

— Ну въ голссахъ слышится радостное изумленіе... Вотъ за добродѣтель-то Господь послалъ!.. А мы батюшка, здѣсь на кокошкахъ сидимъ.

— Это еще что за кокошка?

— Курицы, по-болгарски....

Опять послышался скрипъ вовоў.... мы вышли изъ палатки. Луна ярко уже свѣтила въ долину Карагача. Костры давно потухли, а мимо все тянулись новыя повозки съ ранеными. Точно конца не было этому торжественному шествію страданій и смерти!...“

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТИЯ.

— Въ настоящее время, какъ сообщаютъ *Биржевые Вѣдомости*, приведено въ извѣстность 101 родъ поддѣлки существующихъ въ обращеніи государственныхъ кредитныхъ билетовъ. Найлучшая поддѣлка находится въ 50-ти рублевыхъ кредитныхъ билетахъ. Судя по извѣстнымъ образцамъ поддѣлокъ, самое большое затрудненіе для поддѣлокъ представляютъ водяные знаки, которыхъ на нѣкоторыхъ поддѣлкахъ вовсе не существуетъ, на большинствѣ же они чрезвычайно плохи. Такимъ образомъ къ одному изъ недостатковъ кредитныхъ билетовъ существующаго образца нужно отнести то обстоятельство, что имѣющіеся на нихъ водяные знаки сильно закрашены.

— Изъ Одессы въ *Сѣверный Вѣстникъ* пишутъ, что Одесса снова въ страхѣ, но на этотъ разъ ей грозитъ не Гобартъ-паша, а нашъ русскій морозъ. Зима не за горами, а жители Одессы

нандрова дошла до 64 р. за кубическую сажень, уголь же ирдается по 48 коп. за пудъ. Граждане подали прошение мѣстному градоначальнику о своевременномъ принятии надлежащихъ мѣръ для снабженія города топливомъ. По собраніи мѣстной администрацией свѣдѣній, оказывается, что въ настоящее время во всѣхъ одесскихъ дровянныхъ складахъ находится всего десятка тысяч саженъ дровъ, тогда какъ въ прошломъ году, въ это же самое время, въ мѣстныхъ складахъ находилось 250 тысяч саженъ. Въ виду такого обстоятельства полиція обратилась въ правленіе одесской желѣзной дороги съ требованіемъ о предоставлении известного числа вагоновъ для доставки дровъ по потерѣла положительное фіаско! Правленіе ей отвѣтило, что въ виду перевозки войска, свободныхъ вагоновъ не имѣется. Къ тому же занеси каменного угля, совершенно истощены, нового не подвозятъ, а между прочимъ вся одесская кухонная печь отопливаются каменнымъ углемъ.

Редакція *Нового Времени* имѣла случай познакомиться съ выработаннымъ однимъ изъ членовъ нашего общества Краснаго Креста, для внесенія на разсмотрѣніе названнаго общества, заявлениемъ о необходимости обеспеченія участія тѣмъ сиротъ лицъ, павшихъ на войнѣ, которая будуть помѣщаемы въ частныя учебныя заведенія, содѣжатели которыхъ заявили готовность принять на воспитаніе въ привадлежащихъ имъ заведеніяхъ известное число подобныхъ осиротѣвшихъ дѣтей. Дѣло въ томъ, что при ежедневно увеличивающемся числѣ заявлений упомянутаго рода со стороны содѣжателей и содѣжательницъ учебныхъ заведеній, участіе поступающихъ въ нихъ дѣтей является далеко не обеспечено во первыхъ, потому уже, что большинство упомянутыхъ заведеній принадлежитъ къ числу дающихъ лишь первоначальное образованіе и во-вторыхъ, по той причинѣ, что и самое существование нѣкоторыхъ изъ этихъ заведеній зависитъ отъ многихъ случайностей. Принимая это въ соображеніе, заявление признается, съ цѣлью обеспеченія положенія сиротъ, помѣщаемыхъ въ частныя учебныя заведенія, желательными слѣдующія мѣры: а) ходатайство о представлении сиротамъ лицъ, убитыхъ на войнѣ, воспитывающимся въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественного права на занятіе открывающихся въ казенныхъ заведеніяхъ вакансій; б) открытие сбора пожертвованій специально для образования особаго фонда на воспитаніе дѣтей, поступающихъ въ частныя учебныя заведенія по ихъ выходѣ изъ этихъ послѣднихъ и наконецъ с) назначеніе попечителей или попечительницъ изъ состава членовъ общества "Краснаго Креста" въ каждое изъ частныхъ учебныхъ заведеній, принявшихъ на свой счетъ воспитаніе извѣстного числа дѣтей, осиротѣвшихъ во время войны, съ тѣмъ, чтобы на этихъ попечителяхъ и поне-

чительницахъ лежала забота о доставленіи этимъ сиротамъ средствъ и способовъ къ окончанию образования.

— Въ "Виленскомъ Вѣстникѣ" напечатанъ слѣдующій приказъ виленскаго поліціймейстера по виленской городской полиції.

"Существующее издавна въ городе Вильнѣ на базарахъ перекупство съѣстныхъ и другихъ припасовъ въ послѣднее время усилилось до огромныхъ размѣровъ; причемъ нерѣдко перекупщики допускаются къ насилию, отбирая изъ рукъ покупателей купленные у жеими предметы.

"Для прекращенія этого злоупотребленія и обманныхъ поступковъ, которыми со стороны перекупщиковъ подвергаются крестьяне, я признаю необходимымъ назначать въ торговые дни, а именно: по воскресеньямъ, вторникамъ и пятницамъ, нарядъ на базары, на театральную площадь и конный рынокъ, каждый разъ, по одному помощнику пристава и по три околоточныхъ надзирателя на каждый базарь, съ 5 час. утра и до окончанія торга.

"Помощники приставовъ и околоточные надзиратели обязаны наблюдать, чтобы на базарахъ не производилось перекупа, и, въ случаѣ замѣченія ими злоупотребленія со стороны лицъ, оныхъ занимающихся, а также по заявлению о томъ жителей, тотчасъ же составлять протоколы, которые препровождать гг. мировымъ судьямъ и каждый разъ о томъ докладывать мнѣ.

"При этомъ предлагаю обратить также особое вниманіе чтобы крестьяне, доставляющіе на рынокъ продукты, ограждались отъ обманныхъ поступковъ и насилия со стороны злонамѣренныхъ лицъ".

— Недавно газеты сообщили объ отѣзѣ изъ Петербурга въ Москву для поступленія на тамошнія фабрики пѣсколькихъ болгарскихъ семействъ. Почти одновременно съ этимъ, сообщаючи, въ нѣкоторыхъ газетахъ появилась замѣтка о значительномъ числѣ болгаръ, находящихся въ Петербургѣ и перебивающихся изо дня въ день подаяніями, причемъ указывалось на необходимость оказанія этимъ несчастнымъ тѣмъ или другимъ путемъ существенной помощи. Замѣтка эта не осталась напрасною: по словамъ *Русского Мира*, она вызвала со стороны нѣкоторыхъ изъ проживающихъ въ Петербургѣ землевладѣльцевъ многоzemельныхъ губерній предположеніе поселить бѣдствующихъ болгаръ на принадлежащихъ имъ земляхъ. Для осуществленія этой мысли имѣется въ виду образовать особый временный комитетъ, дѣятельность которого заключалась бы: а) въ приглашеніи землевладѣльцевъ къ участію въ обезспеченіи болгарскихъ выходцевъ, посредствомъ поселенія ихъ на принадлежащихъ этимъ послѣднимъ земляхъ; б) въ сборѣ денежныхъ пожертвованій на образованіе капитала на выдачу пособій поселяющимся на упомянутыхъ земляхъ боларамъ — на обзаведеніе хозяйствомъ и, наконецъ, с) въ вы-

полненіи самой операциіи поселенія. Проектъ устава временнаго комитета уже вырабатывается и будетъ въ непрерывномъ времени представленъ на утвержденіе администраціи. Лица, которымъ принадлежитъ починъ этого дѣла, высказываютъ, между прочимъ, ту мысль, что подобная колонизация болгаръ будетъ не безплодна и для самихъ землевладѣльцевъ малонаселенныхъ губерній, такъ какъ земли могли бы быть отданы имъ подъ условіемъ арендной платы, что доставило бы ихъ владѣльцамъ нѣкоторый доходъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и увеличило бы число рабочихъ рукъ.

ЗАГРАНИЧНЫЙ ИЗВѢСТИЯ.

— Венгерскій политический фарсъ, задуманный членами крайней лѣвой пештскаго сейма, подъ руководствомъ генерала Клапки и при содѣйствіи англійскаго золота, встрѣчаетъ въ "Journal de St.-Petersbourg" слѣдующую оцѣнку:

"Передъ нами лежитъ замѣтка "Пештскаго Ллойда", сообщающая первыя свѣдѣнія о безумномъ и преступномъ планѣ, переданномъ на-дняхъ телеграфомъ. "Пештскій Ллойдъ" говоритъ: "Дѣло шло не о чёмъ другомъ какъ о сосредоточеніи на условленномъ пункѣ трансильванской границы вооруженного отряда, который долженъ былъ вторгнуться на румынскую территорію". Пештская газета не сочла за нужное входить въ дальнѣйшія объясненія, прибавивъ только, что въ рукахъ правительства находятся доказательства этого плана и что оно привело уже всѣ мѣры, чтобы помѣшать предпріятію, которое, даже при самыхъ элементарныхъ понятіяхъ о международномъ правѣ, не можетъ быть допущено въ нейтральной странѣ. Впрочемъ "Пештскій Ллойдъ" обѣщаетъ вскорѣ сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія о неудавшемся замыслѣ. Огласка, которую поспѣшили дать этому дѣлу венгерскія власти, позволяетъ надѣяться, что оно не замедлитъ разясниться; министерство Тиссы столь же отвѣтственно въ этомъ передъ своею собственную страной, сколько передъ другою половиною монархіи и передъ Европой. Всѣмъ извѣстная энергія главы венгерскаго кабинета и ревнивая заботливость, съ которой онъ старается, чтобы дѣла его страны не рѣшались помимо него, служить порукой въ томъ, что виновные, кто бы они ни были, будутъ привлечены къ отвѣту за свою попытку. Если правда, что, какъ иные думаютъ, нѣкоторые иностранцы разсчитывали воспользоваться недостаткомъ дѣятельности венгерскихъ властей для подготовленія турко-фильской экспедиціи, то для чести венгерской администраціи необходимо быстрое подавленіе подобныхъ плановъ, и можно разсчитывать, что такое злоупотребленіе гостепріимствомъ не останется безнаказаннымъ".

Редакторъ И. УСТИНОВЪ.